

подавив роящиеся в голове вопросы, Чи Юньян вместе с И Яньле послушно зашагал следом за старухой. Та двигалась неторопливо, почти бесшумно. Вокруг стоял абсолютный штиль, но фитиль в её керосиновой лампе почему-то метался и дрожал, то и дело грозя погаснуть.

Спустя пару минут она обернулась и как-то странно, двусмысленно ухмыльнулась:

— Пока вы спали, в деревню пришли еще кое-кто из ваших друзей. Как раз вовремя — успеют к обеду.

Юньян невольно замедлил шаг. По его подсчётам, добраться до деревни сейчас могли разве что Ван Мэймэй и Лу Лу. Но почему тогда старуха говорит о «нескольких» людях?

— Парни или девушки? — спросил Юньян. — И сколько их всего?

— Два парня и девица, трое всего, — старуха на мгновение задумалась, а затем покачала головой, исправляясь: — Нет, не так. Двое парней и две девицы. Четверо.

Четверо? Значит, помимо Ван Мэймэй и Лу Лу пришли ещё двое ребят. Неужели Чжу Нань и Чжуан Сяои? Нагнали-таки. Но как же Е Илин? Она ведь должна была идти вместе с Чжуаном.

У Юньяна разболелась голова. Оставалось лишь молиться, чтобы то жуткое женское лицо, мелькнувшее в окне, никак не было связано с пришедшими девчонками.

Столовая обустроилась в просторном доме под черепичной крышей — как пояснила проводница, здесь жил деревенский староста. За порогом их встретила чистая, широкая гостиная, посреди которой тянулся длинный деревянный стол, заставленный дымящимися блюдами.

Стоило переступить порог, как Юньян сразу приметил устроившихся у стола Чжу Нань, Чжуан Сяои и Е Илин. Вновь прибывшие тоже обернулись на шаги.

Е Илин и Чжу Нань сидели неподвижно и почти сразу отвели взгляды. И лишь Сяои, заметно разволновавшись, резко вскочил со стула и рванул к Юньяну, намереваясь схватить его за рукав.

И Яньле мгновенно вырос преградой перед другом, сухо перехватив и оттолкнув чужую руку:

— Руки при себе держи. Что надо?

Сяои оторопело уставился на Яньле. В его глазах медленно проступил первобытный, безотчётный страх. Он робко попятился и молча вернулся на своё место.

Почуввав неладное, Юньян окинул взглядом присутствующих и повернулся к старухе:

— Бабушка, вы сказали, что пришли четверо моих друзей. Но здесь только трое. Где ещё один?

Старуха медленно подняла голову и уставилась Юньяну прямо в глаза. Её голос прозвучал зловеще спокойно:

— Всё верно. Их четверо.

От этих слов у Юньяна по спине пробежал ледяной пот. Он украдкой покосился на Чжуан Сяои: тот сидел белый как полотно и едва заметно, отчаянно качал головой, то и дело испуганно скашивая глаза то на сидящего напротив Чжу Наньи, то на Е Илинью под боком.

Неужели и с ними что-то не так?

От этой догадки у Юньяна разом пропал весь аппетит.

Поборов минутное колебание, он опустился на свободный стул рядом с Чжу Наньи. И Яньле сел по другую руку от него. Стоило Юньяну устроиться, как сосед медленно повернул к нему голову и осклабился в жуткой, неестественной улыбке.

Юньян замер.

«Не улыбайся мне так, а то я за себя не ручаюсь — еще прилетит тебе в зубы».

Обед ломился от яств: на огромных блюдах громоздились горы тушёных овощей и мяса — слишком уж роскошно для простого деревенского перекуса. Старуха уселась во главе стола и благодушно улыбнулась притихшей компании:

— Ещё немного, гости дорогие. Сейчас ребятишки прибегут, и начнём.

Минут через десять снаружи донёсся многоголосый топот, и тяжёлая входная дверь с грохотом распахнулась.

В дом один за другим потянулись дети — всего человек пятнадцать. Самому младшему на вид было года три, старшим — не больше пятнадцати.

При виде них старуха притворно-сладко улыбнулась. Она замахала руками, подзывая их ближе:

— Живее, деточки, мойте ручки и за стол! Остынет же всё.

Взглянув на вошедших, Юньян почувствовал, как к горлу подступает ком. Он поспешно отвернулся. У всех без исключения прибывших детей глазные яблоки были абсолютно чёрными, словно залитыми тушью.

Чжуан Сяои, сидевший прямо напротив Юньяна, при виде этой детворы затрясся так, будто его ударило током. Зато Е Илин, устроившаяся подле него, ласково и приветливо разглядывала черноглазых гостей.

— Братец! А ты всё-таки пришёл за мной, — раздался знакомый голос. Это был Сяо Юэ, тот самый черноглазый малец, с которым Юньян разговаривал в автобусе.

Юноша удивлённо поднял глаза. Мальчик уселся напротив него — такой же щуплый и бледный, как любой обычный ребёнок лет двенадцати.

— Так ты, значит, местный... — выдавил Юньян вымученную улыбку.

Стоило им заговорить, как остальные дети дружно уставились на Юньяна. Десятки сплошь чёрных, бездушных взглядов впились в его лицо. От такого внимания даже у не робкого десятка Юньяна мурашки побежали по коже.

Огромную залу освещала лишь тусклая одинокая лампочка под потолком, отбрасывая длинные зловещие тени. На общем фоне Сяо Юэ казался Юньяну едва ли не самым нормальным из всех присутствующих.

Внешность остальных ребят заставляла содрогнуться. И дело было даже не в уродстве, а в том, как хаотично лепились их черты лица: нос мог съехать к уху, а рот казался кривой прорезью где-то на подбородке. Творец ваял их, явно не заботясь о правилах анатомии.

— Ну, налетайте, — скомандовала хозяйка дома.

Юньян нехотя взял палочки и подцепил немного тушёных томатов с яйцом — это блюдо стояло к нему ближе всего. Но стоило еде коснуться языка, как рот заполнил невыносимый, тошнотворный вкус гнили. С трудом сдержав рвотный позыв, он поспешно выплюнул гадость в пустую пиалу.

Он попробовал ещё пару закусок, но каждая последующая оказывалась столь же омерзительной.

Одно дело — стряпня неумелой хозяйки, но это было нечто иное, противоестественное. Проглоти он хоть кусочек — несварение на ближайшую неделю было бы обеспечено. Однако все остальные, за исключением И Яньле и Чжуан Сяои, уплетали угощение за обе щеки.

Тарелки пустели с невероятной скоростью. Палочки так и мелькали над столом, и уже через

пару минут от ломящихся подносов остались лишь жирные разводы.

Сделав несколько жадных глотков из стакана, Юньян кое-как перебил мерзкое послевкусие. По крайней мере, вода здесь оказалась чистой. Но радоваться было нечему: в животе пусто урчало, а силы стремительно покидали тело.

Пока он с тоской раздумывал, не зажать ли нос и не запихнуть ли в себя эту дрянь силой, в его пиалу бесшумно легли два белых пышных маньтоу.

— Ешь это, — негромко шепнул И Яньле. — Хлеб чистый.

Юньян бросил на спасителя исполненный признательности взгляд и вцепился зубами в пресную, но безопасную булку. Маньтоу был чёрствым и совершенно безвкусным, но, запиваемый водой, шёл отлично. На холоде горячая, пусть и скудная пища казалась лучшим благом.

Быстро умяв первую пресную булку размером с кулак, он почувствовал, что голод лишь слегка отступил. Юноша повернулся к Яньле и заметил, что тот всё ещё неторопливо доедает свою порцию.

Всё-таки воспитание давало о себе знать. Сам Юньян с голодухи заглатывал куски точно дикий зверь, а его спутник даже с куском чёрствого хлеба умудрялся сохранять безупречную осанку и аристократическое хладнокровие.

Заметив пристальный взгляд Юньяна, Яньле замер и вопросительно приподнял бровь:

— Хочешь забрать мой?

Сконфузившись, Юньян мотнул головой и принялся усердно жевать второй маньтоу.

Утолив первый голод и осушив ещё пару чашек, юноша наконец перевёл дух и принялся исподтишка разглядывать собравшихся.

До сих пор в этой глуши им не встретился ни один взрослый, кроме провожатой. Все остальные жители были несовершеннолетними детьми, причём поголовно черноглазыми. По дороге к дому старосты ни в одном окне не горел свет. Скупые строчки из интернета подтверждались с пугающей точностью: взрослые давно покинули деревню Сяохэй, бросив здесь малолетнее потомство.

Но самое жуткое... Юньян прикрыл веки, вспоминая последнюю строчку из той статьи: «Ни один ребёнок в деревне Сяохэй не доживает до шестнадцати лет».

Застолье затянулось больше чем на час. Наконец старуха заботливо вытерла перемазанный рот самому младшему пострелу и обернулась к гостям:

— После обеда можете погулять по окрестностям, осмотреться. Только за околицу ни шагу. Помните об этом.

Поднимаясь из стола, Юньян улучил момент и негромко окликнул Сяо Юэ:

— Сяо Юэ, стой.

Они вышли на узкую улочку перед домом старосты. Юньян заговорил вполголоса, стараясь не привлекать лишнего внимания:

— Ты не видел Ван Мэймэй и Лу Лу? Тех девчонок из автобуса, что ехали вместе с нами.

Мальчик озадаченно склонил голову набок, силясь вспомнить, а затем хлопнул себя по лбу:

— А, эти! Видел, конечно.

— И где они сейчас? — быстро спросил юноша.

Сяо Юэ уставился на него с искренним недоумением, словно вопрос казался ему верхом глупости:

— Так у дяди Вана же, прямо перед крыльцом. Обе там стоят.

— У какого дяди Вана? — Юньян хотел было расспросить подробнее, но тут из-за угла бесшумно выскользнула Сяо Чу. Девочка с весёлым смехом крепко обхватила его за пояс.

— Дядя Ван — это хозяин дома, куда Чу-чу водила тебя отдыхать! — звонко пролепетала девчушка. Её детский голосок звучал мило, но у Юньяна от него по хребту пробежала холодная дрожь.

И Яньле, стоявший чуть поодаль, молча кивнул другу, подтверждая страшную догадку.

«Те два чана под окном... Неужели они там?!»

Юньян резко высвободился из цепких детских объятий и, не разбирая дороги, бросился назад к избушке.

Задыхаясь от быстрого бега, он ворвался во двор и замер перед глиняными великанами. Дрожащими руками Юньян ухватился за край тяжёлой деревянной крышки и сдвинул её в сторону. В нос мгновенно ударил невыносимый, приторно-сладкий запах разложения и застоявшейся крови. Из мутной жижи медленно поднялось раздутое, синюшное женское лицо.

Рот несчастной застыл в беззвучном крике, распухший язык вывалился наружу. Вместо глаз зияли жуткие пустые провалы — глазные яблоки вырвали с корнем, и запекшаяся тёмная кровь коркой покрывала её щёки.

Подошедший сзади И Яньле мягко, но уверенно перехватил руку друга и вернул крышку на место.

— Довольно. Не смотри.

— Это... это ведь Лу Лу?! Скажите, это она?! — раздался за их спинами истерический вскрик Чжуан Сяои.

Юньян лишь молча, тяжело кивнул.

Сяои покачнулся и рухнул на колени прямо в дорожную пыль. Его взгляд остекленел, губы задрожали:

— Мы обречены... Я же говорил, мы все здесь подохнем...

И Яньле скосил на него ледяной взгляд и ровным, безжалостным голосом отрезал:

— Ты уже мёртв.

Парень забился в истерике, исступлённо царапая собственные предплечья ногтями:

— Да откуда тебе знать?! Я дышу! Я чувствую боль! Какая к чёрту академия, какой вступительный экзамен?! Нас просто похитили, накачали наркотиками и заперли в этом проклятом месте! За нами наблюдают, понимаешь?! Какой-то ублюдок упивается тем, как мыдохнем один за другим!

Юньян сжал кулаки так, что побелели пальцы. В груди разлилась глухая, гнетущая горечь.

— Прекрати, Сяои. Хватит врать самому себе. Автобус разбился, мы мертвы. И здесь, в этой чертовой деревне, нас запросто могут прикончить во второй раз. Только новая смерть окажется куда мучительнее.

— Кончай истерику, на неё нет времени, — И Яньле недовольно поморщился. — Лучше ответь: что произошло с Чжу Нань и Е Илин?

Сяои сжался в комок, тупо уставившись в землю. Его запал иссяк, уступив место апатии.

— Сразу после вашего ухода автобус взлетел на воздух. Меня спасло только то, что я отошёл в кусты облегчиться... Когда полыхнуло, я закричал, думал — всё, погибли ребята. Но через минуту они выбрались из пламени. Живые, без единой царапины. Я тогда от радости умом чуть не тронулся, расспрашивать не стал. Идти назад было не на чем, и мы двинулись пешком. По дороге Чжу Нань рассказал мне про деревню Сяхэй.

— И за весь путь — ничего подозрительного? — нахмурился Юньян, чувствуя, как в груди зреет нехорошее предчувствие.

В глазах Сяои вновь заплясал безумный, загнанный огонёк. Он попятился назад, прижимаясь спиной к забору, и прошептал:

— Ошибаешься... На подходе к деревне я понял... Они оба пытались меня убить.

<http://bllate.org/book/18234/1747592>